

Ульф Старк
Волшебные кеды
моего друга Терси

Перевод Ольги Мязотс

Иллюстрации Татьяны Корнер

БЕЛАЯ ВОРОНА
ALBUS CORVUS

Москва 2022

УДК 821.113.6-93

ББК 84(4Шве)

С77

Старк У.

С77 Волшебные кеды моего друга Перси / Ульф Старк. —

М.: Albus corvus, 2022. — 104 с.

ISBN 978-5-00114-298-0

Text © Ulf Stark, 1991

First published by Bonnier Carlsen Bokförlag, Stockholm, Sweden

Published in the Russian language by arrangement with Bonnier Rights, Stockholm, Sweden and Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency, Sweden

© Ольга Мязотс, перевод на русский язык, 2022

© Татьяна Кормер, иллюстрации, 2022

© ООО «Издательство Альбус корвус», издание на русском языке, 2022

Оглавление

<i>Голые тетки</i>	7
<i>Новые синяки</i>	11
<i>Я в первый раз вижу кеды Перси</i>	16
<i>Забег</i>	22
<i>Битой по заднице</i>	28
<i>Я второй раз вижу кеды Перси</i>	31
<i>Мой фантастический гоночный автомобиль</i>	36
<i>Супермен и Паганини</i>	43
<i>Я учусь заключать сделки</i>	49
<i>Перси приходит ко мне домой</i>	59
<i>Мы подсматриваем за дамой в корсете, и я учусь целоваться</i>	65
<i>Волшебные кеды становятся моими, и мне почти удается пройти по бревну</i>	70
<i>Я испытываю кеды, а мой брат получает оплеуху</i>	76
<i>Ульф не хулиган, считает мама</i>	83
<i>Густавсон приходит в гости, и мы с мамой идем в кино</i>	88
<i>Голова как крыжовник</i>	93
<i>Я становлюсь героем</i>	98

*Посвящается моим племянницам
Анне, Стине и Кайсе*

Тане тетки

— Эй! Вы куда? — окликнул нас Перси.

Он висел вниз головой на ветке старого дуба и видел, как Клас-Йоран, Уффе Рикберг и я пронеслись по школьному двору.

— Никуда! — крикнул на бегу Уффе Рикберг.

— Просто посмотрим кое-что, — проорал Клас-Йоран.

В ту пору мы постоянно куда-то спешили. На этот раз денек выдался солнечный, уроки закончились рано, вот мы и решили сгонять к сараю Уффе Рикберга и поглазеть на голых теток.

Но сперва забежали ко мне и выпили соку.

Я жил в большом сером доме рядом с домом для престарелых. Нашим соседом был Густавсон, жутко злющий тип. Рядом с ним была пекарня. А если побежать вниз по улице, добежишь до часовни.

Так мы и сделали.

Постояли там, вдыхая аромат из пекарни и любуясь блестящими похоронными машинами. Даже увидели, как выносят белый гроб с цветами на крышке. Сняли школьные фуражки и склонили головы. Но в глубине души радовались, что сами-то живы.

А потом помчались домой к маме, и она накормила нас свежими булочками.

— Ну, чем теперь займетесь? — спросила мама, когда мы все съели. — Поиграете в бадминтон?

— Нет, пойдем изучать природу, — сказал Уффе Рикберг.

И мы припустили к сараю.

Там, распластавшись на крыше и прижав животы к шероховатому рубероиду, мы стали ждать, когда появятся медсестры из дома для престарелых и покажут свои груди.

Эти тетки имели привычку загорать в рощице по другую сторону забора.

С сарая нам было видно, как они расстегивают белые халаты, ложатся на землю и закрывают глаза от солнца.

Клас-Йоран жевал яблоко, которое сорвал с дерева. Его оттопыренные уши светились, словно розовые крылья летучей мыши.

— Обалдеть, какие сиськи! — ахнул он, не сводя глаз с пары здоровенных грудей, лежавших в траве в десяти метрах от наших маленьких любопытных носов.

— Они, наверное, из Финляндии, — предположил я.

— Наверняка, — согласился Уффе Рикберг.

— Ну, тут уж я не промахнусь! — сказал Клас-Йоран, приподнялся и собрался запулить огрызком во вздымавшиеся груди, но Уффе Рикберг потянул его вниз.

— Совсем сбрендил? — прошипел он.

- А что такого? Я бы наверняка попал!
- А они бы наверняка нас застукали.
- Об этом я не подумал.
- Ты вообще не часто думаешь, — заметил я.

Мы, затаившись, лежали на крыше. Живот у меня так нагрелся, будто я жарился на сковородке. Но вот наконец медсестры надели халаты и, причесав волосы, вернулись в дом для престарелых.

— Смотрите не проболтайте! — предупредил Уффе Рикберг. — Это страшная тайна.

— Думаешь, я совсем придурок? — обиделся Клас-Йоран.

— Ну есть немножко, — сказал я и заверил: — Я-то точно никому не проболтаюсь.

— Ни Леннарту Блумгрёну, ни Берре, — стал перечислять Уффе Рикберг. — И уж точно ни Перси.

— Нет, никому, — кивнул я. — Клянусь. Даже если он порвет мою школьную фуражку.

Уффе Рикберг хотел, чтобы мы поклялись на крови. Но у нас не нашлось острого ножа, чтобы сделать надрез. Так что мы просто соединили большие пальцы и дали слово держать язык за зубами.

А потом я побежал домой, потому что пора было ужинать.

Новые синяки

— Смотри в оба, Сталин!¹ — крикнул мне брат. Мы играли вечером в гостиной, поджидая, когда придет время пить какао с бутербродами.

Брат был на два года меня старше. Он был худой и злющий, а я — весьма пухленький.

Брат четвертый раз забросил шайбу в мои ворота. Мы играли в настольный хоккей. Брат это очень любил, а я терпеть не мог, потому что постоянно проигрывал. Вдобавок мне вечно приходилось играть за Россию.

— А я знаю одну тайну, — сказал я и указал на шайбу.

— Какую? — спросил брат.

— Это секрет.

И я улыбнулся, показав половинку переднего зуба. Я его отбил, ударившись о каменную ступеньку. Брат сделал вид, что увлечен хоккеем, и ничего не сказал. Наверху мама играла на пианино и пела красивым переливчатым голосом. А папа в соседней комнате громко разговаривал сам с собой. Он учил

¹ Ульф Старк родился в 1944 году. Он описывает в повести свое детство. Героям лет восемь-девять. То есть в это время Сталин был еще жив или только-только умер, поэтому именно его имя ассоциируется у детей с Россией (примеч. пер.).

французский язык. ДИНЬ-ДОН-БЕЗЕ-ПАНТАЛОН — так это звучало.

Тем временем брат со всей силы запустил шайбу.

— Да плевал я на твои дурацкие тайны! — прошипел он и со всей силы запулил твердую как камень шайбу так, что она угодила прямо в лицо моему красному оловянному вратарю.

— Но эта — про голых теток, — сказал я.

Брат крутанул рукоятки, и шайба попала в несчастного капитана моей команды.

— Что? — переспросил брат, и лицо у него сделалось белым словно безе.

— Голые тетки — без одежды, — пояснил я и ударил по шайбе.

У его вратаря не было ни единого шанса — на этот раз шайба влетела в ворота. Но брату было не до того: он набросился на меня и явно хотел надавать мне по шее.

— Опять был в моей комнате? — прошипел он.

— С чего ты взял?

— Ты же сам сказал про голых теток!

— У тебя что, голые тетки в комнате?

— Снова рылся в моем шкафу? — не унимался брат. — Я же запретил тебе совать туда свой нос!

И он саданул меня в плечо. Всегда так делал, когда злился. У меня все руки были в синяках — словно пятна на стене от солнечных зайчиков, отражавшихся в хрустальной люстре. Я никогда не давал ему сдачи. Не по доброте душевной, как думала мама, а потому что знал: тогда он мне вообще руки оторвет.

Но я все-таки не удержался и всхлипнул. Брат велел мне заткнуться. Но тут мама прекратила играть на фортепиано. А папа пришел и спросил, что у нас происходит.

— Ничего, — ответил брат. — Он просто со стула свалился и руку ушиб. Бедняжка, как ему больно! Вот, сами посмотрите.

Он засучил рукав моей клетчатой рубашки и показал синяки на правой руке. Папа надел очки для чтения, чтобы лучше их разглядеть.

— Ой-ой! Бедненький мальчик, — проговорил он и погладил меня по голове. От его ладоней пахло кабинетом зубного врача.

— Я как раз собирался на них подуть, — сказал брат.

— Какой ты добрый, — похвалил папа. — Хорошо, что вы такие дружные.

— Да, нам очень повезло, — согласился брат.

Я уткнулся головой в папину вязаную кофту и зарыдал так, что испачкал соплями его красный вечерний галстук.

Мы с братом жили на чердаке. У каждого была своя комната. А в коридоре — электрическая железная дорога с кучей шлагбаумов и стрелок, по ней ездили два локомотива. Больше всего мне нравилось, когда они сходили с рельсов.

Но в тот вечер мне было не до поездов.

Пока брат сидел в туалете, я прокрался в его комнату. Так я и знал! Он меня обманул. Никаких голых теток у него в шкафу не было. Только стопки зачитанных комиксов, которые он прятал от папы.

Я вернулся к себе и закрыл дверь, чтобы спокойно покачать мускулы. Громко сопя, я изо всех сил растягивал эспандер с крепкими пружинами, так что руки дрожали словно желе.

Но брат вскоре вернулся и дернул за дверную ручку. Наверняка хотел зайти, чтобы напукать у меня в комнате. У него была такая привычка: заявиться, когда я ложился спать, и испортить воздух. Вечер за вечером я засыпал в удушающем запахе метана.

— Ты чего закрылся? И почему так сопишь? — спросил он из-за двери.

— Ничего я не соплю, — просопел я.

— Открой дверь, кое-что получишь, — сказал брат.

— Нет уж. Ты всегда обманываешь. Больше меня не проведешь.

— Это мы еще посмотрим. Еще раз сунешь нос в мою комнату — пожалеешь!

И он оставил дверь в покое. Я продолжил качать мускулы. Внизу зазвенели папины часы. ДИНЬ-ДОНГ-КЛАНГ, пели они. Слово тоже учили французский. Вот бы накачать такие твердые бугристые мускулы, чтобы никто не посмел ставить мне новые синяки!

Скоро сделаюсь сильный-пресильный, мечтал я. Такой же сильный, как Перси.

Я в первый раз вижу
кеды Перси

Родители Перси переехали в новый дом неподалеку от школы, и он перешел в наш класс.

С коротким ежиком на голове он не был похож ни на одного из моих друзей.

Уффе Рикберг и Леннарт Блумгрэн не были особыми драчунами. А вот Перси был. Он здорово умел боксировать и так топтал школьные фуражки, что козырьки ломались. Поэтому на переменах его все обходили сторонкой. Он гулял по двору один и плевался. Это у него тоже здорово получалось.

На уроках Перси сидел за соседней партой. И почти все время глазел в окно — смотрел, как плывут в небе облака, которым не надо ходить в школу. Или разглядывал огромный дуб, на который нам запрещалось лазить на переменах.

Время от времени, не поворачивая головы, он протягивал руку в мою сторону. Тогда я доставал из кулька песочное печенье, миндальное кольцо или кокосовый кекс и клал ему на ладонь — я хранил их в парте как неприкосновенный запас. Пока он жевал, я смотрел на его стриженный затылок.

Перси очень нравилось печенье, которое пекла моя мама.

Вот и в тот раз он с наслаждением чавкал сочным кокосовым кексом, пока учительница писала на доске очень сложный пример. Вдруг она повернулась, посмотрела на часы и кивнула мне:

— Ульф, тебе пора идти.

Я засунул пенал и синюю тетрадку по математике в парту, где лежал кулек с печеньем, и встал.

Но тут и Перси встал тоже.

— А куда это он уходит? — спросил он.

— На лечебную гимнастику, тренировать ноги, — ответила учительница.

— Он тренирует ноги? — удивился Перси. — А зачем?

— Да потому что у него плоскостопие! — громко объяснил Берра.

И мне сразу захотелось спрятать ноги под парту.

Я единственный во всем классе должен был ходить на лечебную гимнастику, чтобы укреплять свод стопы.

— И он, что, не будет решать примеры? — спросил Перси.

— Вместо этого я буду поднимать шарики пальцами ног, — тихо сказал я.

Тогда Перси уселся на парту и принялся торопливо расшнуровывать свои кеды.

— А мои ноги?! — крикнул он. — Почему на мои никто не посмотрел? Поглядите, какие они плоские. Словно камбалы.

— Перси, — попыталась успокоить его учительница.

— Они же совсем плоские, факт! Посмотрите сами! — не унимался Перси.

Стянув кеды и носки, он положил их на парту, а потом протянул учительнице грязную ногу и слегка пошевелил пальцами, словно здороваясь.

— Ну что, можно я тоже пойду? — спросил он.

— Ты останешься в классе, — сказала учительница. — Разговор окончен.

— С утра они точно были плоские, — сердито проворчал Перси. — Так нечестно.

Тем временем учительница посмотрела на его кеды. Потом молча подняла один за шнурок. И тогда я впервые их разглядел. Они были похожи на парудохлых крыс.

Учительница покачала головой, словно ей было их жалко.

— Тебе нужны новые ботинки, Перси, — сказала она.

— А что не так с этими? — спросил Перси и потянул к себе кед, болтавшийся в воздухе.

— Они немножко рваные, — сказал я.

— Ты еще не ушел? — учительница строго посмотрела на меня. — Поторопись!

Пробираясь между партами, я чувствовал, как Перси смотрит мне в спину.

— Ну и повезло же тебе!!! — крикнул он мне вслед. — Повезло, что у тебя плоскостопие!

Мне нравилась лечебная гимнастика.

Мы усаживались в кружок на полу и старались поднять шарики пальцами ног. Я сидел рядом с Марианной, у нее тоже было плоскостопие. А еще — белое платье и большие красивые передние зубы. Прямые светлые волосы заколоты красной заколкой. Когда Марианна пыталась подхватить один из разноцветных шариков своими маленькими пальчиками, она становилась похожа на кролика.

Но вот Марианна передала шарик мне.

— Держи! — подбодрила меня тренерша. — Держи пальцами ног!

Но я упустил его. У меня так всякий раз выходило, когда нога Марианны касалась моей. Шарик покатился по полу.

Марианна рассмеялась. И я тоже. Даже слезы потекли от смеха и пришлось вытереть их рубашкой.

— Не огорчайся, — сказала тренерша. — Скоро у тебя получится, вот увидишь.

И мы стали тренировать подъем на пальцах.

Когда я вернулся в класс, шел урок рисования.

Надо было нарисовать дерево. Я нарисовал клен с узловатыми ветками. А Перси — танк с гусеницами и длинной пушкой. На это ему потребовалось столько печенья, что я вынул кулек из парты и сунул под лист бумаги.

Вдруг Перси толкнул меня так, что над кленом появилась длинная черта.

— На перемене будем бегать перед автомобилями, — сказал он.

Мне стало не по себе, я даже уронил на пол и кулек, и тяжелый пенал.

К нам подошла учительница. Она положила свою старую ладонь на плечо Перси и указала ногой на рассыпанные крошки.

— Что это такое? — спросила она.

— Крошки от печенья, — улыбнулся Перси. — Разве вы сами не видите?

Учительница вздохнула.

— Перси, Перси... Кто же из тебя вырастет?

— Коммерсант, — ответил Перси с набитым ртом.